

Д Ж О Н

РИД

*ДЕСЯТЬ ДНЕЙ,
КОТОРЫЕ ПОТЯСЛИ МИР*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Джон Рид
Десять дней, которые
потрясли мир

Серия «Эксклюзивная классика (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68468561

Десять дней, которые потрясли мир:

ISBN 978-5-535-10937-4

Аннотация

«Десять дней, которые потрясли мир» – это хроника от первого лица, насыщенный и информативный рассказ очевидца об одном из величайших событий двадцатого века, Октябрьском перевороте 1917 года. Джон Рид ярко передает настроение масс, улавливает дух тех дней. Его книга – это безграничное море лиц, событий, случаев, документов, но это еще и взгляд человека, романтично и искренно увлеченного идеями коммунизма, «отождествляющего себя с революцией целиком и полностью». – он описывал то, что видел и чувствовал сам.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие к американскому изданию	5
Предисловие к русскому изданию	6
Предисловие	8
Вступительные замечания и пояснения	17
Глава I	34
Глава II	56
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Джон Рид
Десять дней, которые
потрясли мир

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Предисловие к американскому изданию

Прочитав с громаднейшим интересом и неослабевающим вниманием книгу Джона Рида «Десять дней, которые потрясли весь мир», я от всей души рекомендую это сочинение рабочим всех стран. Эту книгу я желал бы видеть распространенной в миллионах экземпляров и переведенной на все языки, так как она дает правдивое и необыкновенно живо написанное изложение событий, столь важных для понимания того, что такое пролетарская революция, что такое диктатура пролетариата. Эти вопросы подвергаются в настоящее время широкому обсуждению, но прежде чем принять или отвергнуть эти идеи, необходимо понять все значение принимаемого решения. Книга Джона Рида, без сомнения, поможет выяснить этот вопрос, который является основной проблемой мирового рабочего движения.

Н. Ленин. 1920 г.

Предисловие к русскому изданию

«Десять дней, которые потрясли мир» – так озаглавил Джон Рид свою замечательную книжку. В ней необычайно ярко и сильно описаны первые дни Октябрьской революции. Это – не простой перечень фактов, сборник документов, это – ряд живых сцен, настолько типичных, что каждому из участников революции должны вспомниться аналогичные сцены, свидетелем которых он был. Все эти картинки, выхваченные из жизни, как нельзя лучше передают настроение масс – настроение, на фоне которого становится особенно понятен каждый акт великой революции.

На первый взгляд кажется странным, как мог написать эту книгу иностранец, американец, не знающий языка народа, быта... Казалось, он должен был бы на каждом шагу впадать в смешные ошибки, должен был бы проглядеть многое существенное.

Иностранцы иначе пишут о Советской России. Они или вовсе не понимают совершающихся событий, или берут отдельные факты, не всегда типичные, и их обобщают.

Правда, очевидцами революции были очень немногие.

Джон Рид не был равнодушным наблюдателем, он был страстным революционером, коммунистом, понимавшим смысл событий, смысл великой борьбы. Это понимание дало ему ту остроту зрения, без которой нельзя было бы написать

такой книги.

Русские тоже иначе пишут об Октябрьской революции: они или дают оценку ее, или описывают те эпизоды, участниками которых они являлись. Книжка Рида дает общую картину настоящей народной массовой революции, и потому она будет иметь особо большое значение для молодежи, для будущих поколений – для тех, для кого Октябрьская революция будет уже историей. Книжка Рида – своего рода эпос.

Джон Рид связал себя целиком с русской революцией. Советская Россия стала ему родной и близкой. Он в ней погиб от тифа и похоронен под Красной стеной. Тот, кто описал похороны жертв революции, как Джон Рид, достоин этой чести.

Н. Крупская.

Предисловие

Эта книга – сгусток истории, истории в том виде, в каком я наблюдал ее. Она не претендует на то, чтобы быть больше чем подробным отчетом о Ноябрьской¹ революции, когда большевики во главе рабочих и солдат захватили в России государственную власть и передали ее в руки Советов.

Естественно, бо́льшая часть книги посвящена «Красному Петрограду», столице и сердцу восстания. Но пусть читатель помнит, что все происшедшее в Петрограде – в разное время, с разной напряженностью, – почти в точности повторилось по всей России.

В этой книге, первой из ряда книг, над которыми я работаю, мне придется ограничиться записью тех событий, которые я видел и переживал лично или которые подтверждены достоверными свидетельствами; ей предпосланы две главы, кратко обрисовывающие обстановку и причины Ноябрьской революции. Я сознаю, что прочесть эти главы будет не легко, но они весьма существенны для понимания последующего.

Перед читателем, естественно, встанут многие вопросы. Что такое большевизм? Какого рода политический строй создан большевиками? Если до Ноябрьской революции большевики боролись за Учредительное собрание, то почему

¹ Все даты у Дж. Рида приводятся по новому стилю. В данном издании везде указываются в скобках даты и старого стиля.

впоследствии они разогнали его силою оружия? И если до того момента, как большевистская опасность стала явной, буржуазия выступала против Учредительного собрания, то почему же впоследствии она стала его поборницей?

На эти и многие другие вопросы здесь не может быть дан ответ. Ход революций, вплоть до заключения мира с Германией, я прослеживаю в другой книге «От Корнилова до Брест-Литовска»². Там я показываю происхождение и характер деятельности революционных организаций, развитие и смену народных настроений, роспуск Учредительного собрания, структуру Советского государства, ход и результаты Брестских переговоров.

Рассматривая растущую популярность большевиков, необходимо понять, что развал русской экономической жизни и русской армии совершился не 7 ноября (25 октября) 1917 г., а много месяцев раньше, как неизбежное, логическое следствие процесса, начавшегося еще в 1915 г. Продажные реакционеры, державшие в своих руках царский двор, сознательно вели дело к разгрому России, чтобы подготовить сепаратный мир с Германией. Теперь мы знаем, что и нехватка оружия на фронте, вызвавшая катастрофическое летнее отступление 1915 г., и недостаток продовольствия в армии и в крупных городах, и разруха в промышленности и на транспорте в 1916 г. – все это было частью гигантской кампании

² «Kornilov to Brest-Litovsk». – Дж. Рид. Эта книга не вышла в свет. Дж. Рид не успел ее закончить.

саботажа, прерванной в решительный момент Мартовской³ революцией.

В первые несколько месяцев нового режима как внутреннее состояние страны, так и боеспособность ее армии безусловно улучшились, несмотря на сумятицу, неизбежную при великой революции, неожиданно давшей свободу ста шестидесяти миллионам наиболее угнетенного народа в мире.

Но «медовый месяц» длился недолго. Имушие классы хотели всего-навсего политической революции, которая отняла бы власть у царя и передала ее им. Они хотели, чтобы Россия стала конституционной республикой, подобно Франции и Соединенным Штатам, или конституционной монархией, подобно Англии. Народные же массы желали подлинной рабочей и крестьянской демократии.

В своей книге «Благовест России» («Russia's Message»), представляющей очерк революции 1905 г., Уильям Инглиш Уоллинг⁴ дает прекрасное описание состояния духа русских рабочих, впоследствии почти единодушно выступивших на стороне большевизма:

«Они (рабочие) видели, что даже при самом свободном правительстве, если оно окажется в руках других социаль-

³ Февральской (старый стиль).

⁴ Уильям Инглиш Уоллинг (1877–1936), американский экономист и социолог, автор нескольких работ о рабочем движении и о социализме. Дж. Рид цитирует работу Уоллинга «Благовест России», опубликованную в США в 1908 г.

ных классов, им, возможно, придется по-прежнему голодать...

Русский рабочий – революционер, но он не насильник, не догматик и не лишен разума. Он готов к боям на баррикадах, но он изучил их, и – единственный среди рабочих всего мира – изучил на собственном опыте. Он готов и горит желанием бороться со своим угнетателем, капиталистическим классом, до конца. Но он не забывает о существовании других классов. Он только требует от них, чтобы в надвигающемся грозном конфликте они встали либо на ту, либо на другую сторону...

Они (рабочие) все согласны, что наши (американские) политические учреждения предпочтительнее их собственных, но они вовсе не жаждут променять одного деспота на другого (т. е. на класс капиталистов).

Рабочие России подвергались расстрелам и казням сотнями в Москве, Риге и Одессе, заключению тысячами в каждой русской тюрьме и ссылкам в пустыни и арктические области не ради сомнительных привилегий рабочих Гольдфильдса и Криппл-Крика...».

Вот почему в России в разгар внешней войны политическая революция переросла в революцию социальную, нашедшую свое высшее завершение в торжестве большевизма.

В своей книге «Рождение русской демократии» А. Дж. Сак, директор враждебного Советскому правительству Русского информационного бюро в Америке, говорит следую-

щее:

«Большевики создали свой собственный кабинет с Николаем Лениным – премьером и Львом Троцким – министром иностранных дел. Неизбежность их прихода к власти стала очевидной почти немедленно вслед за Мартовской революцией. История большевиков после революции есть история их неуклонного роста».

Иностранцы, и особенно американцы, часто подчеркивают «невежество» русских рабочих. Верно, им не хватает политического опыта западных народов, зато они прошли прекрасную школу в своих добровольных организациях. В 1917 г. русские общества потребителей (кооперативы) имели свыше двенадцати миллионов членов, а Советы сами по себе являются чудесным проявлением организационного гения русских трудящихся масс. Более того, во всем мире, вероятно, нет народа, который столь хорошо изучил бы социалистическую теорию и ее практическое применение.

Вот как характеризует этих людей Уильям Инглиш Уоллинг:

«Большинство русских рабочих умеет читать и писать. Страна уже много лет находится в таком беспокойном состоянии, что они могли пользоваться руководством не только развитых людей из своей собственной среды, но и многочисленных революционных элементов образованных слоев общества, обратившихся к рабочему классу со своими идеями политического и социального возрождения России...»

Многие авторы объясняют свою враждебность к советскому строю тем, что последняя фаза русской революции была просто борьбой «порядочных» элементов общества против жестокостей большевиков. Но в действительности именно имущие классы, увидев, как возрастает мощь народных революционных организаций, решили разгромить их и остановить революцию. Добиваясь этой цели, буржуазия в конце концов прибегла к отчаянным мерам. Для того чтобы сокрушить министерство Керенского и Советы, был дезорганизован транспорт и спровоцированы внутренние беспорядки; чтобы сломить фабрично-заводские комитеты, закрывали предприятия, прятали топливо и сырье; чтобы разрушить фронтовые армейские комитеты, восстановили смертную казнь и потворствовали поражениям на фронте.

Все это было великолепной пищей для большевистского огня. Большевики ответили проповедью классовой борьбы и провозглашением верховенства Советов.

Между этими двумя крайними направлениями находились группировки, целиком или частично поддерживавшие их, в том числе так называемые умеренные социалисты – меньшевики, социалисты-революционеры и еще несколько мелких партий. Эти группировки тоже подвергались нападкам со стороны имущих классов, но сила их сопротивления была подорвана их же теориями.

В общем, меньшевики и социалисты-революционеры полагали, что Россия экономически не созрела для социальной

революции, что возможна только революция политическая. По их мнению, русские массы были недостаточно подготовлены для того, чтобы взять власть в свои руки; всякая такая попытка неизбежно привела бы к реакции, с помощью которой какой-нибудь беззастенчивый политикан мог бы восстановить старый режим. Вот почему получилось так, что, когда умеренные социалисты были вынуждены взять власть, они страшились использовать ее.

Они полагали, что Россия должна пройти через те стадии политического и экономического развития, которые прошла Западная Европа, и лишь после этого вместе с остальным миром дойти до вполне развитого социализма. Естественно поэтому, что они в согласии с имущими классами считали, что прежде всего Россия должна стать парламентским государством, хотя и с некоторыми поправками против западных демократий. Следствием этого было то, что они настаивали на участии имущих классов в правительстве.

Отсюда был только один шаг к их поддержке. Умеренные социалисты нуждались в буржуазии, но буржуазия не нуждалась в умеренных социалистах. Таким образом и получилось, что министры-социалисты были вынуждены мало-помалу отступать по всем пунктам своей программы, а представители имущих классов наступали все решительнее.

И в конце концов, когда большевики разбили в прах все пустые компромиссы, меньшевики и эсеры оказались участниками борьбы на стороне буржуазии... В настоящее время

то же самое можно видеть почти в любой стране мира.

Большевики, представляется мне, — это не разрушительная сила, а единственная в России партия, обладающая созидательной программой и достаточной властью, чтобы провести ее в жизнь. Если бы им в тот момент не удалось удержать власть, то, по-моему, нет ни малейшего сомнения в том, что уже в декабре войска императорской Германии были бы в Петрограде и Москве и Россия снова попала бы под иго какого-нибудь царя...

После целого года существования Советской власти все еще модно называть восстание большевиков «авантюрой». Да, то была авантюра, и притом одна из поразительнейших авантур, на какие когда-либо осмеливалось человечество, — авантюра, бурей ворвавшаяся в историю во главе трудящихся масс и все поставившая на карту ради удовлетворения их насущных и великих стремлений. Уже был готов аппарат для раздела крупных помещичьих имений между крестьянами. Уже были созданы фабрично-заводские комитеты и профессиональные союзы, чтобы пустить в ход рабочий контроль над производством. В каждой деревне, в каждом городе, в каждом уезде и в каждой губернии имелись Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, готовые взять на себя дело местного управления.

Что бы ни думали иные о большевизме, неоспоримо, что русская революция есть одно из величайших событий в истории человечества, а возвышение большевиков — явление

мирового значения. Точно так же, как историки разыскивают малейшие подробности о Парижской Коммуне, так они захотят знать все, что происходило в Петрограде в ноябре 1917 г., каким духом был в это время охвачен народ, каковы были, что говорили и что делали его вожди. Именно об этом я думал, когда писал настоящую книгу.

В борьбе мои симпатии не были нейтральны. Но, рассказывая историю тех великих дней, я старался рассматривать события оком добросовестного летописца, заинтересованного в том, чтобы запечатлеть истину.

Дж. Р. Нью-Йорк, 1 января 1919 г.

Вступительные замечания и пояснения

Рядовому читателю будет очень трудно разобраться во множестве русских организаций – политических групп, комитетов и центральных комитетов, дум и союзов. По этой причине я даю здесь несколько кратких определений и объяснений.

Политические партии

На выборах в Учредительное собрание в Петрограде было девятнадцать списков кандидатов, а в некоторых провинциальных городах – до сорока; однако в кратком обзоре целей и состава политических партий, помещенном ниже, включены только те группы и фракции, которые упоминаются в этой книге. Здесь может быть указано лишь на самое основное в их программах и дана только общая характеристика тех социальных слоев, которые они представляли.

1. *Монархисты* разных оттенков, *октябристы* и т. д. Эти некогда сильные фракции больше не существовали открыто; они либо ушли в подполье, либо их члены вступили в партию кадетов, поскольку кадеты постепенно приняли их политическую платформу. Из представителей этих групп в книге

упоминаются Родзянко, Шульгин.

2. *Кадеты*. Так названы по первым буквам наименования партии – «Конституционные демократы». Официальное название кадетской партии (после революции) – «Партия народной свободы». При царизме партия кадетов, состоявшая из либералов – представителей имущих классов, была самой крупной партией политических реформ, в общих чертах соответствующей Прогрессивной партии в Америке. Когда в марте 1917 г. разразилась революция, кадеты образовали первое Временное правительство. В апреле кадетское правительство было сброшено, потому что оно открыто выступило с защитой империалистических целей союзных держав, в том числе империалистических целей царского правительства. По мере того как революция приобретала все более ярко выраженный характер социальной революции, кадеты становились все более консервативными. Из их представителей в этой книге упоминаются Милюков, Винавер, Шацкий.

2а. *«Группа общественных деятелей»*. После того как кадеты утратили свою популярность из-за их связей с корниловской контрреволюцией, в Москве была организована «Группа общественных деятелей». Представители этой группы получили министерские портфели в последнем кабинете Керенского. Группа объявила себя внепартийной, хотя ее духовными вождями были люди вроде Родзянко и Шульгина. В нее вошли самые «современные» банкиры, коммерсанты и промышленники, которые были достаточно умны и

понимали, что с Советами нужно бороться их собственным оружием – экономической организацией. Типичны для этой группы – Лианозов, Коновалов.

3. *Народные социалисты*, или *трудовики*. Небольшая по численности партия, состоявшая из осторожных интеллигентов, руководителей кооперативных обществ и консервативно настроенных крестьян. Называя себя социалистами, трудовики на деле защищали интересы мелкой буржуазии – чиновников, лавочников и т. д. Прямые преемники состоявшей в большинстве из представителей крестьян «трудо-вой группы» IV Государственной думы и наследники соглашательских традиций этой группы. Керенский был лидером трудовиков в Государственной думе, когда в марте 1917 г. вспыхнула революция. Народные социалисты – националистическая партия. Их представители в книге: Пешехонов, Чайковский.

4. *Российская социал-демократическая рабочая партия*. Первоначально марксисты-социалисты. На съезде в 1903 г. из-за разногласий по тактическим вопросам партия раскололась на две фракции – большинства и меньшинства. Так возникли названия – «большевики» и «меньшевики». Два крыла превратились в две отдельные партии. Каждая из них называла себя Российской социал-демократической рабочей партией и заявляла о своей приверженности к марксизму. После революции 1905 г. большевики фактически были в меньшинстве и стали снова большинством в сентябре 1917 г.

а. *Меньшевики*. Эта партия включает социалистов всех оттенков, которые считают, что общество должно прийти к социализму путем естественной эволюции и что рабочий класс должен сначала получить доступ к политической власти. Также националистическая партия. Это была партия социалистов-интеллигентов, а поскольку все средства просвещения находились в руках имущих классов, интеллигенция, естественно, тянулась к их образу мысли и становилась на сторону этих классов. Из их лидеров в этой книге упоминаются Дан, Либер, Церетели.

б. *Меньшевики-интернационалисты*. Радикальное крыло меньшевиков, интернационалисты, противники всякой коалиции с имущими классами; в то же время они не желали порывать с меньшевиками-консерваторами и выступали против диктатуры рабочего класса, за которую стояли большевики. Троцкий долгое время был членом этой группы. Среди ее лидеров – Мартов, Мартынов.

в. *Большевики*. Сейчас они называют себя Коммунистической партией, чтобы подчеркнуть свой полный разрыв с традициями умеренного, или парламентарного, социализма, который господствует среди меньшевиков и так называемых социалистов большинства во всех странах. Большевики выступили за немедленное пролетарское восстание и захват государственной власти с тем, чтобы ускорить пришествие социализма путем насильственного обобществления промышленности, земли, природных богатств и финансовых учре-

ждений. Эта партия выражает стремления главным образом промышленных рабочих, но также и значительной части беднейшего крестьянства. Слово «большевик» нельзя переводить как «максималист». Максималисты – это особая группа (см. далее параграф 5b).

d. *Объединенные социал-демократы – интернационалисты*, или группа «Новая жизнь», по названию очень влиятельной газеты, которая была ее органом. Маленькая группа интеллигентов с очень небольшим числом сторонников среди рабочих, если не считать личных приверженцев Максима Горького – ее руководителя. Это – интеллигенты с почти такой же программой, как у меньшевиков-интернационалистов, с той лишь разницей, что группа «Новая жизнь» не желала связывать себя ни с одной из двух основных фракций. Члены группы не соглашались с тактикой большевиков, но оставались в советских органах. Другие представители группы, которые упоминаются в этой книге, – Авилов, Крамаров.

e. *«Единство»*. Незначительная и все время уменьшавшаяся группа, которая состояла почти исключительно из личных последователей Плеханова, одного из пионеров русского социал-демократического движения в 80-х годах и его крупнейшего теоретика. Плеханов, уже старик к этому времени, был крайним социал-патриотом и слишком консервативным даже для меньшевиков. После большевистского переворота группа «Единство» перестала существовать.

5. *Партия социалистов-революционеров*. Их называют со-

крайне «эсерами». Первоначально – революционная партия крестьян, партия «боевых организаций» – террористов. После Мартовской революции в нее вступило много людей, которые никогда прежде не были социалистами. В это время эсеры стояли за отмену частной собственности только на землю, причем ее владельцы должны были получить определенную компенсацию. В конце концов рост революционных настроений среди крестьян заставил эсеров отказаться от пункта «о компенсации». В дальнейшем молодые и наиболее горячие из интеллигентов откололись от основной партии осенью 1917 г. и образовали новую партию – партию левых социалистов-революционеров. Эсеры, которых радикальные группы впоследствии всегда называли «правыми социалистами-революционерами», перешли на политические позиции меньшевиков и действовали вместе с ними. В конечном счете они являлись представителями интересов богатых крестьян, интеллигентов и политически отсталых слоев населения отдаленных сельских районов. Среди них было, однако, значительно больше группировок с разными точками зрения на политические и экономические вопросы, чем среди меньшевиков. Из их лидеров в книге упоминаются Авксентьев, Гоц, Керенский, Чернов, «бабушка» Брешковская.

а. *Левые социалисты-революционеры*. Хотя в теории они разделяли большевистскую программу диктатуры рабочего класса, вначале они неохотно следовали решительной тактике большевиков. Однако левые социалисты-революционеры

оставались в Советском правительстве, занимая министерские посты, в особенности пост министра земледелия. Они несколько раз выходили из правительства, но всегда возвращались. По мере того как крестьяне во все возрастающем количестве покидали ряды (правых) эсеров, они присоединялись к партии левых социалистов-революционеров, которая превратилась в большую крестьянскую партию, поддерживавшую Советскую власть. Эта партия выступала за безвозмездную конфискацию крупных имений и передачу их в распоряжение самих крестьян. Среди руководителей – Спиридонова, Карелин, Камков, Калагаев.

б. *Максималисты*. Откололись от партии социалистов-революционеров во время революции 1905 г., когда представляли мощное крестьянское движение, требовавшее немедленного осуществления социалистической программы-максимум. Сейчас – незначительная группа крестьянских анархистов.

Парламентская процедура

Собрания и съезды в России организуются скорее по европейскому образцу, чем по нашему. Первое, что они обычно делают, – это избрание председателя, секретаря и президиума.

Президиум – это руководящий комитет, образованный из представителей групп и политических фракций, представ-

ленных на собрании пропорционально их численности. Президиум устанавливает повестку дня, и председатель может поручать членам президиума поочередно вести собрание.

По каждому вопросу сначала делается общий доклад, затем следуют прения, а после прений различные фракции представляют свои резолюции, и каждая голосуется в отдельности. Порядок дня может быть – и обычно так и случается – нарушен уже в первые полчаса. Ссылаясь на «чрезвычайную важность» вопроса, что масса почти всегда принимает во внимание, каждый присутствующий может подняться с места и сказать что угодно, на любую тему. Масса господствует на собрании, и практически единственной обязанностью председателя является поддержание порядка при помощи колокольчика и предоставление слова ораторам. Почти вся действительная работа собрания выполняется на закрытых совещаниях различных групп и политических фракций, которые почти всегда голосуют единогласно и представлены их руководителями. В результате, однако, получается, что при каждом новом важном вопросе или голосовании объявляется перерыв с тем, чтобы дать возможность различным группам и политическим фракциям устроить закрытое совещание.

Публика исключительно шумная: оратора поощряют одобрительными возгласами или прерывают критическими замечаниями, изменяя по-своему планы президиума. Среди возгласов обычны: «Просим!», «Правильно!», «Это верно!»,

«Довольно!», «Долой!», «Позор!», «Тише!».

Наиболее важные организации

1. *Совет*. Это слово в русском языке существует давно и соответствует английскому слову «council». При царе, например, существовал Государственный совет. Однако со времени революции слово «Совет» стали связывать с определенным типом представительства, избираемого трудящимися, членами производственных коллективов – Советом рабочих, солдатских или крестьянских депутатов. Поэтому слово «Совет» я употребляю только по отношению к этим органам. Помимо местных Советов, которые избираются в каждом городе и деревне – а в больших городах избираются также районные Советы, – существуют еще областные или губернские Советы, и в столице – Исполнительный Комитет всех Советов России, который сокращенно называют ЦИК (см. ниже – Центральные комитеты).

Почти повсюду Советы рабочих депутатов и Советы солдатских депутатов объединились очень скоро, спустя некоторое время после Мартовской революции. Однако для обсуждения специальных вопросов, затрагивающих их особые интересы, секции рабочих и солдат продолжали собираться отдельно. Советы крестьянских депутатов присоединились к остальным только после большевистского государственного переворота. Крестьянские Советы были организованы так

же, как Советы рабочих и солдат, и в столице был Всероссийский Исполнительный Комитет крестьянских Советов.

2. *Профсоюзы.* Хотя в России рабочие союзы были организованы в большинстве случаев по производственному принципу, они назывались тем не менее профессиональными союзами и ко времени большевистской революции насчитывали от трех до четырех миллионов членов. Эти союзы также были объединены во всероссийскую организацию – нечто вроде русской Федерации труда, которая имела свой Центральный Исполнительный Комитет в столице.

3. *Фабрично-заводские комитеты.* Это были стихийно возникшие организации, созданные на предприятиях рабочими в стремлении осуществить контроль над производством, воспользовавшись расстройством управления, вызванным революцией. Эти комитеты революционным путем овладевали предприятиями и управляли ими. Фабрично-заводские комитеты тоже имели свою всероссийскую организацию с Центральным комитетом в Петрограде, которая сотрудничала с профсоюзами.

4. *Думы.* Слово «дума» приблизительно означает «совещательный орган». Старая Государственная дума, которая в демократизированной форме просуществовала еще шесть месяцев после революции, умерла естественной смертью в сентябре 1917 г. Городская дума, которая упоминается в этой книге, была создана в результате реорганизации муниципального совета, или самоуправления, как его чаще назы-

вали. Городская дума избиралась прямым и тайным голосованием, и единственной причиной, по которой ей не удалось привлечь на свою сторону массы во время большевистской революции, был общий упадок влияния всякого чисто политического представительства при росте влияния организаций, основанных на классовом делении общества.

5. *Земства*. Это слово может быть приблизительно переведено как «сельские Советы». При царизме – полуполитические, полуобщественные организации с очень небольшими административными правами. Они создавались и управлялись главным образом либерально настроенными интеллигентами, выходцами из помещичьего класса. Самой важной стороной деятельности земств было народное образование и социальное обслуживание крестьян. Во время войны земства постепенно приняли на себя всю заботу о снабжении русской армии продовольствием и обмундированием. Они же производили закупки за границей и вели просветительную работу среди солдат, соответствующую той, которую вела в американской армии Христианская ассоциация молодых людей. После Мартовской революции земства были демократизированы с целью превращения их в органы местной власти в сельских районах. Но, подобно городским думам, они не были в состоянии соперничать с Советами.

6. *Кооперативы*. Это были потребительские кооперативные общества рабочих и крестьян, которые до революции насчитывали миллионы членов по всей России. Основан-

ное либералами и умеренными социалистами, кооперативное движение не пользовалось поддержкой революционных социалистических групп, поскольку этот путь представлял собой суррогат полного перехода средств производства и распределения в руки рабочих. После Мартовской революции кооперативы стали быстро расширяться; в них преобладали народные социалисты, меньшевики и социалисты-революционеры, и эти кооперативы действовали как консервативная сила до большевистской революции. Однако именно кооперативы кормили Россию, когда старая система торговли и транспорта рухнула.

7. *Армейские комитеты*. Армейские комитеты были основаны на фронте солдатами для борьбы с реакционным влиянием старого офицерства. Каждая рота, полк, бригада, дивизия и корпус имели свои комитеты, а над ними всеми стоял выборный комитет (такой-то) армии. Центральный армейский комитет (в Петрограде) сотрудничал с Генеральным штабом. Расстройство управления в армии, вызванное революцией, возложило на плечи армейских комитетов большую часть работы интендантского ведомства, а в некоторых случаях даже командование войсками.

8. *Флотские комитеты*. Соответствующие организации в военном флоте.

Центральные комитеты

Весной и летом 1917 г. в Петрограде проводились все-российские съезды всевозможных организаций. Проходили съезды Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, профсоюзов, фабрично-заводских комитетов, комитетов армии и флота (помимо съездов представителей отдельных родов войск и флота), кооперативов, национальностей и т. д. Каждый из этих съездов избирал свой Центральный комитет или Центральный исполнительный комитет для защиты интересов в центре. По мере того как Временное правительство становилось все слабее, эти Центральные комитеты были вынуждены брать в свои руки все большую административную власть.

Наиболее важные Центральные комитеты, упоминаемые в этой книге, таковы:

Союз Союзов. Во время революции 1905 г. профессор Миллюков и другие либералы организовали союзы специалистов – врачей, юристов и т. д. Они объединялись в одну центральную организацию – Союз Союзов. В 1905 г. Союз Союзов сотрудничал с революционной демократией; в 1917 г., однако, Союз Союзов выступал против большевистского восстания и объединил государственных служащих, которые объявили забастовку и саботировали распоряжения Советской власти.

ЦИК. Всероссийский Центральный Исполнительный Ко-

митет Советов рабочих и солдатских депутатов. Слово получились из первых букв полного названия.

ЦЕНТРОФЛОТ. Центральный флотский комитет.

ВИКЖЕЛ. Всероссийский Исполнительный комитет железнодорожников. Название составлено из начальных букв полного наименования.

Другие организации

Красная гвардия. Вооруженные фабрично-заводские рабочие России. Красная гвардия впервые была образована во время революции 1905 г. и снова возродилась в мартовские дни 1917 г., когда нужна была сила для поддержания порядка в городе. В это время красногвардейцы были вооружены, и все старания Временного правительства разоружить их были безуспешными. При каждом кризисе в ходе революции отряды Красной гвардии появлялись на улицах, по-военному не обученные и не организованные, но полные революционного энтузиазма.

Белая гвардия. Буржуазные волонтеры, которые появились на последних этапах революции для защиты частной собственности от попыток большевиков отменить ее. В отрядах Белой гвардии было очень много студентов.

Текинцы. Так называемая Дикая дивизия, состоявшая из представителей мусульманских племен Средней Азии, лично преданных генералу Корнилову. Текинцы отличались

слепым повиновением и дикой жестокостью в военных действиях.

«Батальоны смерти», или «ударные батальоны». Известен женский «батальон смерти», но было много «батальонов смерти», состоявших из мужчин. Эти батальоны были образованы Керенским летом 1917 г. с тем, чтобы своим «героическим» примером они помогли укрепить дисциплину и поднять боевой дух армии. «Батальоны смерти» состояли главным образом из националистически настроенных молодых людей, большей частью выходцев из богатых семей.

Союз офицеров. Организация, созданная среди реакционных офицеров для борьбы с растущим влиянием армейских комитетов.

Георгиевские кавалеры. Георгиевским крестом награждались отличившиеся в военных действиях. Получивший крест автоматически становился «георгиевским кавалером». Преобладающим влиянием в организации георгиевских кавалеров пользовались сторонники милитаризма.

Крестьянский союз. В 1905 г. крестьянский союз был революционной организацией крестьян. В 1917 г., однако, он стал выразителем политических интересов зажиточного крестьянства и боролся против растущего влияния и революционных целей Советов крестьянских депутатов.

Хронология и написание

В этой книге я повсюду употребляю наш календарь вместо старого русского календаря, который отставал на тринадцать дней.

В написании русских имен и слов я не пытался следовать никаким научным правилам, а старался придерживаться такого написания, которое даст говорящему по-английски читателю наиболее простое и точное представление об их произношении.

Источники

Основным материалом для этой книги послужили мне мои собственные записи. Однако, кроме того, я использовал сотни подобранных всевозможных русских газет, в которых отражен почти каждый день описываемого мною времени, подшивки (выходивших в Петрограде) английской газеты «Russian Daily News» («Русские ежедневные новости») и двух французских газет – «Journal de Russie» («Русская газета») и «Entente» («Согласие»). Еще более ценным, чем все эти газеты, является «Bulletin de la Presse» («Бюллетень прессы»), который издавался ежедневно французским информационным бюро в Петрограде. В нем помещались со-

общения обо всех важнейших событиях, речах и комментариях русской печати. У меня есть почти полная подшивка этой газеты с весны 1917 г. до конца января 1918 г.

Кроме того, мною собраны почти все воззвания, декреты и объявления, которые расклеивались на улицах Петрограда с середины сентября 1917 г. до конца января 1918 г., а также официальное издание всех правительственных декретов и распоряжений и официальное правительственное издание секретных договоров и других документов, обнаруженных в министерстве иностранных дел, когда оно перешло в руки большевиков.

Глава I

Общий фон

В конце сентября 1917 г. в Петрограде ко мне зашел иностранный профессор социологии, находившийся в России. В деловых и интеллигентских кругах он наслышался о том, что революция пошла на убыль. Профессор написал об этом статью и отправился путешествовать по стране, посетил фабричные города и деревни, где, к его изумлению, революция явно шла на подъем. От рабочих и крестьян постоянно приходилось слышать разговоры об одном и том же: «земля – крестьянам, заводы – рабочим». Если бы профессор побывал на фронте, он услышал бы, что вся армия толкует о мире.

Профессор был озадачен, хотя для этого не было оснований: оба наблюдения были совершенно правильными. Имущие классы становились все консервативнее, а массы – все радикальнее. С точки зрения деловых кругов и российской интеллигенции, революция уже зашла достаточно далеко и чересчур затянулась; пора было навести порядок. Это настроение разделялось и главными умеренно-социалистическими группами – меньшевиками-оборонцами, [1.1]⁵ и со-

⁵ Цифровые указатели в тексте книги отсылают читателя к приложениям Джона Рида. Для приложений каждой главы книги автором дана самостоятельная порядковая нумерация.

циалистами-революционерами, которые поддерживали Временное правительство Керенского.

27 (14) октября официальный орган умеренных социалистов писал:

«...Революция состоит из двух актов: разрушения старого и создания нового строя жизни. Первый акт тянулся достаточно долго. Теперь пора приступить ко второму, и его надо провести как можно скорее, ибо один великий революционер говорил: “Поспешим, друзья мои, закончить революцию: кто делает революцию слишком долго, тот не пользуется ее плодами...”».

Рабочие, солдатские и крестьянские массы были, однако, твердо убеждены, что первый акт еще далеко не закончен. На фронте армейские комитеты постоянно имели столкновения с офицерами, которые никак не могли привыкнуть обращаться с солдатами как с человеческими существами; в тылу избранные крестьянами земельные комитеты подвергались арестам за попытки провести в жизнь постановления правительства о земле; на фабриках рабочим [1.2] приходилось бороться с черными списками и локаутами. Более того, возвращающихся политических эмигрантов не пускали в страну как «нежелательных» граждан; бывали даже случаи, когда людей, вернувшихся из-за границы в свои деревни, арестовывали и заключали в тюрьмы за революционные действия, совершенные в 1905 г.

На все многочисленные и многообразные выражения

недовольства народа у умеренных социалистов был один ответ: «Ждите Учредительного собрания, которое будет созвано в декабре». Но массы не удовлетворялись этим. Учредительное собрание – вещь, конечно, хорошая. Но ведь было же нечто определенное, во имя чего была совершена русская революция, во имя чего легли в братские могилы на Марсовом поле революционные мученики и что должно быть осуществлено во что бы то ни стало, независимо от того, будет ли созвано Учредительное собрание или нет: мир, земля крестьянам, рабочий контроль над производством. Учредительное собрание все откладывалось и откладывалось, возможно, что его отложат еще не раз до тех пор, пока народ не успокоится в такой мере, что, быть может, умерит свои требования! Как бы то ни было, революция тянется уже восемь месяцев, а результатов что-то не видно...

Тем временем солдаты сами начинали разрешать вопрос о мире дезертирством, крестьяне жгли господские усадьбы и захватывали крупные поместья, рабочие выходили из повиновения и бросали работу. Вполне естественно, что предприниматели, помещики и офицерство прилагали все усилия, чтобы предотвратить какие-либо уступки массам на демократической основе.

Политика Временного правительства колебалась между мелкими реформами и суровыми репрессивными мерами. Указом социалистического министра труда рабочим комитетам было предписано впредь собираться в нерабочее вре-

мя. На фронте «агитаторы» оппозиционных политических партий арестовывались, радикальные газеты закрывались и к проповедникам революции стала применяться смертная казнь. Делались попытки разоружить Красную гвардию. В провинцию для поддержания порядка были отправлены казаки.

Эти меры поддерживались умеренными социалистами и их вождями-министрами, которые считали необходимым сотрудничество с имущими классами. Народные массы отворачивались от них и переходили на сторону большевиков, которые твердо боролись за мир, передачу земли крестьянам, введение рабочего контроля над производством и за создание рабочего правительства. В сентябре 1917 г. разразился кризис. Керенский и умеренные социалисты против воли подавляющего большинства населения создали коалиционное правительство, в которое вошли представители имущих классов. В результате меньшевики и социалисты-революционеры навсегда потеряли доверие народа.

Отношение народных масс к умеренным социалистам резко выражено в статье, появившейся около середины октября (конца сентября) в газете «Рабочий путь» и озаглавленной «Министры-социалисты». [1.3]

«...Возьмите их послужной список:

Церетели – разоружил рабочих, вместе с генералом Половцевым «усмирил» революционных солдат и одобрил смертную казнь для солдат.

Скобелев – начал с того, что пообещал отнять у капиталистов 100 % прибыли, а кончил... попыткой разогнать фабрично-заводские комитеты рабочих.

Авксентьев – посадил в тюрьму несколько сот крестьян, членов земельных комитетов, закрыл несколько десятков рабочих и солдатских газет.

Чернов – подписал царистский манифест о разгоне финляндского сейма.

Савинков – вступил в прямой союз с генералом Корниловым и не сдал Петрограда этому «спасителю» отечества только по не зависящим от Савинкова обстоятельствам.

Зарудный – вместе с Алексинским и Керенским засадил в тюрьму тысячи революционных рабочих, матросов и солдат, помог сочинить клеветническое «дело» против большевиков, которое ляжет таким же позором на русский суд, как дело Бейлиса.

Никитин – выступил в роли заурядного жандарма против железнодорожников.

Керенский – но о сем уже умолчим. Его послужной список слишком длинен...»

Съезд делегатов Балтийского флота в Гельсингфорсе принял резолюцию, которая начиналась так:

«...Требовать от Всероссийских комитетов Совета Р., С. и Кр. Д. и Центрофлота немедленного удаления из рядов Временного правительства социалиста в кавычках и без кавычек, политического авантюриста Керенского как лица, по-

зорящего и губящего своим бесстыдным политическим шан-тажом в пользу буржуазии великую революцию, а также вместе с нею весь революционный народ...»

Прямым результатом всего этого была растущая популярность большевиков...

С тех пор как в марте 1917 г. шумные потоки рабочих и солдат, затопив Таврический дворец, принудили колеблющуюся Государственную думу взять в свои руки верховную власть в России, именно массы народные – рабочие, солдаты и крестьяне определили каждый поворот в ходе революции. Они низвергли министерство Милюкова; их Совет провозгласил перед всем миром русские мирные условия – «никаких аннексий, никаких контрибуций, право самоопределения народов»; и опять-таки в июле именно они, еще неорганизованные массы стихийно поднявшегося пролетариата, снова штурмовали Таврический дворец, чтобы потребовать перехода власти над Россией к Советам.

Большевики, тогда еще небольшая политическая секта, возглавили движение. В результате катастрофической неудачи восстания общественное мнение повернулось против них, и шедшие за ними толпы, лишённые вождей, отхлынули назад, на Выборгскую сторону – Сент-Антуанское предместье Петрограда. Тогда последовала дикая травля большевиков: сотни их, в том числе Троцкий, госпожа Коллонтай и Каменев, были заключены в тюрьмы; Ленин и Зиновьев принуждены были скрываться от ареста; большевистские газеты

преследовались и закрывались. Провокаторы и реакционеры подняли неистовый вой о том, что большевики – немецкие агенты, и во всем мире нашлись люди, поверившие этому.

Однако Временное правительство оказалось не в состоянии подтвердить обоснованность этих обвинений; документы, якобы доказывавшие существование германского заговора, оказались подложными⁶, и большевики один за другим освобождались из тюрем без суда, под фиктивный залог или вовсе без залога, так что в конце концов в заключении осталось всего 6 человек. Бессилие и нерешительность Временного правительства, состав которого непрерывно менялся, были слишком очевидны для всех. Большевики вновь провозгласили столь дорогой массам лозунг: «Вся власть Советам!», и они вовсе не исходили при этом из своих узкопартийных интересов, поскольку в то время большинство в Советах принадлежало умеренным социалистам – их злейшему врагу.

Еще более действенным было то, что они взяли простые, неоформленные мечты масс рабочих, солдат и крестьян и на них построили программу своих ближайших действий. И вот, в то время как меньшевики-оборонцы и социалисты-революционеры опутывали себя соглашениями с буржуазией, большевики быстро овладели массами. В июле их травили и презирали; к сентябрю рабочие столицы, моряки Балтийского флота и солдаты почти поголовно встали на их сто-

⁶ Часть пресловутых «Документов Сиссона». – Дж. Рид.

рону. Сентябрьские⁷ муниципальные выборы в больших городах [1.4] были показательны: среди избранных оказалось всего только 18 % меньшевиков и социалистов-революционеров против 70 % в июне...

Иностранного наблюдателя мог в то время озадачить необъяснимый для него факт: Центральный Исполнительный Комитет Советов, центральные комитеты армии и флота⁸, центральные комитеты некоторых профессиональных союзов – особенно почтово-телеграфных работников и железнодорожников – относились крайне враждебно к большевикам. Все эти центральные комитеты были избраны еще в середине лета и даже раньше, когда меньшевики и эсеры имели огромное число сторонников, теперь же они всеми силами оттягивали и срывали какие-либо перевыборы. Так, согласно уставу Советов рабочих и солдатских депутатов, Всероссийский съезд должен был состояться в сентябре, но ЦИК не хотел созывать его на том основании, что до открытия Учредительного собрания оставалось всего два месяца, а к тому времени, как он намекал, Советы вообще должны будут сложить свои полномочия. Между тем по всей стране большевики завоевывали на свою сторону один за другим местные Советы, отделения профессиональных союзов и укрепляли свое влияние в рядах солдат и матросов. Крестьянские Советы все еще оставались консервативными, так

⁷ Августовские (по ст. ст.). В Петрограде выборы были 20 августа.

⁸ См. «Вступительные замечания в пояснения». – *Джз. Рид*.

как в темной деревне политическое сознание развивается медленно, а партия социалистов-революционеров вела агитацию среди крестьян на протяжении целого поколения... Но даже и в крестьянской среде начало формироваться революционное ядро. Это стало очевидным в октябре, когда левое крыло социалистов-революционеров откололось и образовало новую политическую группировку – партию левых эсеров.

В то же время всюду стали заметны признаки оживления реакционных сил. [1.5] Так, например, в Троицком театре в Петрограде представление комедии «Преступление царя» было сорвано группой монархистов, грозивших расправиться с актерами за «оскорбление императора». Определенные газеты начали вздыхать по «русскому Наполеону». В среде буржуазной интеллигенции стало обычаем называть Совет рабочих депутатов «советом собачьих депутатов».

15 октября у меня был разговор с крупным русским капиталистом Степаном Георгиевичем Лианозовым – «русским Рокфеллером», кадетом по политическим убеждениям.

«Революция, – сказал он, – это болезнь. Раньше или позже иностранным державам придется вмешаться в наши дела, точно так же, как вмешиваются врачи, чтобы излечить больного ребенка и поставить его на ноги. Конечно, это было бы более или менее неуместно, однако все нации должны понять, насколько для их собственных стран опасны большевизм и такие заразительные идеи, как «пролетарская дикта-

тура» и “мировая социальная революция”... Впрочем, возможно, такое вмешательство не будет необходимым. Транспорт развалился, фабрики закрываются, и немцы наступают. Может быть, голод и поражение пробудят в русском народе здравый смысл...»

Господин Лианозов весьма энергично утверждал: что бы ни случилось, торговцы и промышленники не могут допустить существования фабрично-заводских комитетов или примириться с каким бы то ни было участием рабочих в управлении производством.

«Что до большевиков, то с ними придется разделяться одним из двух методов. Правительство может эвакуировать Петроград, объявив тогда осадное положение, и командующий войсками округа расправится с этими господами без юридических формальностей... Или, если, например, Учредительное собрание проявит какие-либо утопические тенденции, его можно будет разогнать силой оружия...»

Наступала зима – страшная русская зима. В торгово-промышленных кругах я слышал такие разговоры: «Зима всегда была лучшим другом России; быть может, теперь она избавит нас от революции». На замерзающем фронте голодали и умирали несчастные армии, потерявшие всякое воодушевление. Железные дороги замирали, продовольствия становилось все меньше, фабрики закрывались. Отчаявшиеся массы громко кричали, что буржуазия покушается на жизнь народа, вызывает поражение на фронте. Рига была сдана непо-

средственно после того, как генерал Корнилов публично заявил: «Не должны ли мы пожертвовать Ригой, чтобы возвратить страну к сознанию ее долга?».

Американцам показалось бы невероятным, что классовая борьба могла дойти до такой остроты. Но я лично встречал на Северном фронте офицеров, которые открыто предпочитали военное поражение сотрудничеству с солдатскими комитетами. Секретарь петроградского отдела кадетской партии говорил мне, что экономическая разруха является частью кампании, проводимой для дискредитирования революции. Один союзный дипломат, имя которого я дал слово не упоминать, подтверждал это на основании собственных сведений. Мне известны некоторые угольные копи близ Харькова, которые были подожжены или затоплены владельцами, московские текстильные фабрики, где инженеры, бросая работу, приводили машины в негодность, железнодорожные служащие, пойманные рабочими в момент, когда они выводили локомотивы из строя...

Значительная часть имущих классов предпочитала немцев революции – даже Временному правительству – и не колебалась говорить об этом. В русской семье, где я жил, почти постоянной темой разговоров за столом был грядущий приход немцев, несущих «законность и порядок...». Однажды мне пришлось провести вечер в доме одного московского купца: во время чаепития мы спросили у одиннадцати человек, сидевших за столом, кого они предпочитают –

«Вильгельма или большевиков». Десять против одного высказались за Вильгельма.

Спекулянты пользовались всеобщей разрухой, наживали колоссальные состояния и растрачивали их на неслыханное мотовство или на подкуп должностных лиц. Они прятали продовольствие и топливо или тайно переправляли их в Швецию. В первые четыре месяца революции, например, из петроградских городских складов почти открыто расхищались продовольственные запасы, так что имевшийся двухгодовой запас зернового хлеба сократился до такой степени, что его оказалось недостаточно для пропитания города в течение одного месяца... Согласно официальному сообщению последнего министра продовольствия Временного правительства, кофе закупался во Владивостоке оптом по 2 рубля за фунт, а потребитель в Петрограде платил по 13 рублей. Во всех магазинах крупных городов находились целые тонны продовольствия и одежды, но приобретать это могли только богатые.

В одном провинциальном городе я знал купеческую семью, состоявшую из спекулянтов-мародеров, как называют их русские. Три сына откупились от воинской повинности. Один из них спекулировал продовольствием. Другой сбывал краденое золото из Ленских приисков таинственным покупателям в Финляндии. Третий закупил большую часть акций одной шоколадной фабрики и продавал шоколад местным кооперативам, с тем чтобы они за это снабжали его всем

необходимым. Таким образом, в то время как массы народа получали четверть фунта черного хлеба в день по своей хлебной карточке, он имел в изобилии белый хлеб, сахар, чай, конфеты, печенье и масло... И все же, когда солдаты на фронте не могли больше сражаться от холода, голода и истощения, члены этой семьи с негодованием вопили: «Труссы!», они «стыдились быть русскими»... Для них большевики, которые в конце концов нашли и реквизировали крупные запасы припрятанного ими продовольствия, были сущими «грабителями».

Под всей этой внешней гнилью тайно и очень активно копошились темные силы старого режима, не изменившиеся со времен падения Николая II. Агенты пресловутой охраны все еще работали за и против царя, за и против Керенского – словом, на всякого, кто платил... Во мраке действовали всевозможные подпольные организации, как, например, черные сотни, стараясь восстановить реакцию в той или иной форме.

В этой атмосфере всеобщей продажности и чудовищных полуистин изо дня в день было слышно звучание одной ясной ноты все крепнущего хора большевиков: «Вся власть Советам! Вся власть истинным представителям миллионов рабочих, солдат и крестьян. Хлеба, земли, конец бессмысленной войне, конец тайной дипломатии, спекуляции, измене... Революция в опасности, и с ней – общее дело народа во всем мире!».

Борьба между пролетариатом и буржуазией, между Со-

ветами и правительством, начавшаяся еще в первые мартовские дни, приближалась к своему апогею. Россия, одним прыжком перескочив из Средневековья в XX век, явила изумленному миру две революции – политическую и социальную – в смертельной схватке.

Какую изумительную жизнеспособность проявляла русская революция после стольких месяцев голодовки и разочарований! Буржуазии следовало бы лучше знать свою Россию. Теперь лишь немногие дни отделяли Россию от полного разгара революционной «болезни»...

При взгляде назад Россия до Ноябрьского восстания кажется страной иного века, почти невероятно консервативной. Так быстро пришлось привыкать к новому, ускоренному темпу жизни. Русские политические отношения сразу и целиком сдвинулись влево до такой степени, что кадеты были объявлены вне закона как «враги народа», Керенский стал «контрреволюционером», умеренные социалистические вожди – Церетели, Дан, Либер, Гоц, Авксентьев оказались слишком реакционными для своих собственных последователей, и даже такие люди, как Виктор Чернов и Максим Горький, очутились на правом крыле...

Около середины декабря 1917 г. группа эсеровских вождей частным образом посетила английского посла сэра Джорджа Бьюкенена, причем умоляла его никому не говорить об этом посещении, потому что они считались «слишком правыми».

«И подумать только, — сказал сэр Джордж, — год тому назад мое правительство инструктировало меня не принимать Милюкова, потому что он слыл опасно левым!...»

Сентябрь и октябрь — наихудшие месяцы русского года, особенно петроградского года. С тусклого, серого неба в течение все более короткого дня непрестанно льет пронизывающий дождь. Повсюду под ногами густая, скользкая и вязкая грязь, размазанная тяжелыми сапогами и еще более жуткая, чем когда-либо, ввиду полного развала городской администрации. С Финского залива дует резкий, сырой ветер, и улицы затянуты мокрым туманом. По ночам — частью из экономии, частью из страха перед цеппелинами — горят лишь редкие, скудные уличные фонари; в частные квартиры электричество подается только вечером, с 6 до 12 часов, причем свечи стоят по сорок центов штука, а керосина почти нельзя достать. Темно с 3 часов дня до 10 утра. Масса разбоев и грабежей. В домах мужчины по очереди несут ночную охрану, вооружившись заряженными ружьями. Так было при Временном правительстве.

С каждой неделей продовольствия становится все меньше. Хлебный паек уменьшился с 1 $\frac{1}{2}$ фунтов до 1 фунта, потом до $\frac{3}{4}$ фунта, $\frac{1}{2}$ фунта и $\frac{1}{4}$ фунта. Наконец, прошла целая неделя, когда совсем не выдавали хлеба. Сахару полагалось по 2 фунта в месяц, но эти 2 фунта надо было достать,

а это редко кому удавалось. Плитка шоколада или фунт безвкусных леденцов стоили от 7 до 10 рублей, т. е. по крайней мере доллар. Половина петроградских детей не имела молока; во многих гостиницах и частных домах его не видали целые месяцы. Хотя был фруктовый сезон, яблоки и груши продавались на улицах чуть ли не по рублю за штуку...

За молоком, хлебом, сахаром и табаком приходилось часами стоять в очередях под пронизывающим дождем. Возвращаясь домой с митинга, затянувшегося на всю ночь, я видел, как перед дверями магазина еще до рассвета начал образовываться «хвост», главным образом из женщин; многие из них держали на руках грудных детей... Карлейль говорит в своей «Французской революции», что французы отличаются от всех прочих народов мира способностью стоять в «хвостах». Россия начала приобретать эту способность в царствование Николая «благословенного», еще с 1915 года, — и с тех пор «хвосты» появлялись время от времени, пока к лету 1917 г. окончательно не вошли в порядок вещей. Подумайте, каково было этим кое-как одетым людям выставлять целые дни напролет на скованных и выбеленных морозом петроградских улицах в ужасную русскую зиму! Я прислушивался к разговорам в хлебных очередях. Сквозь удивительное добродушие русской толпы время от времени прорывались горькие, желчные ноты недовольства...

Разумеется, театры были открыты ежедневно, не исключая и воскресений. В Мариинском шел новый балет с Кар-

савиной, и вся балетоманская Россия являлась смотреть на нее. Пел Шаляпин. В Александрийском была возобновлена мейерхольдовская постановка драмы Алексея Толстого «Смерть Ивана Грозного». На этом спектакле мне особенно запомнился воспитанник императорского пажееского корпуса в парадной форме, который во всех антрактах стоял навтыжку лицом к пустой императорской ложе, с которой уже были сорваны все орлы... Театр «Кривое зеркало» давал роскошную постановку шницлеровского «Хоровода».

Эрмитаж и все прочие картинные галереи были эвакуированы в Москву; однако в Петрограде каждую неделю открывались художественные выставки. Толпы женщин из среды интеллигенции усердно посещали лекции по искусству, литературе и популярной философии. У теософов был необычайно оживленный сезон. Армия спасения, впервые в истории допущенная в Россию, заклеивала все стены объявлениями о евангелических собраниях, одновременно изумлявших и забавлявших русскую аудиторию...

Как и всегда бывает в таких случаях, повседневная мелочная жизнь города шла своим чередом, стараясь по возможности не замечать революции. Поэты писали стихи, – но только не о революции. Художники-реалисты писали картины на темы старинного русского быта – о чем угодно, но не о революции. Провинциальные барышни приезжали в Петроград учиться французскому языку и пению. По коридорам и вестибюлям отелей расхаживали молодые, изящные и весе-

лые офицеры, щеголяя малиновыми башлыками с золотым позументом и чеканными кавказскими шашками. В полдень дамы из второразрядного чиновничьего круга ездили друг к другу на чашку чая, привозя с собой в муфте маленькую серебряную или золотую сахарницу ювелирной работы, полбулки, и при этом они вслух мечтали о том, как бы было хорошо, если бы вернулся царь или если бы пришли немцы, или если бы случилось что-нибудь другое, что могло бы разрешить наболевший вопрос о прислуге... Дочь одного из моих приятелей однажды в полдень вернулась домой в истерике: кондукторша в трамвае назвала ее «товарищем»!

А вокруг них корчилась в муках, вынашивая новый мир, огромная Россия. Прислуга, с которой прежде обращались, как с животными, и которой почти ничего не платили, обрела чувство собственного достоинства. Пара ботинок стоила свыше ста рублей, и так как жалованье в среднем не превышало тридцати пяти рублей в месяц, то прислуга отказывалась стоять в очередях и изнашивать свою обувь. Но мало этого. В новой России каждый человек – все равно мужчина или женщина – получил право голоса; появились рабочие газеты, говорившие о новых и изумительных вещах; появились Советы; появились профессиональные союзы. Даже у извозчиков был свой профсоюз и свой представитель в Петроградском Совете. Лакеи и официанты организовались и отказались от чаевых. Во всех ресторанах по стенам висели плакаты, гласившие: «Здесь на чай не берут» или: «Если че-

ловеку приходится служить за столом, чтобы заработать себе на хлеб, то это еще не значит, что его можно оскорблять подачками на чай».

На фронте солдаты боролись с офицерами и учились в своих комитетах самоуправлению. На фабриках приобретали опыт и силу и понимание своей исторической миссии в борьбе со старым порядком эти не имеющие себе подобных русские организации – фабрично-заводские комитеты⁹. Вся Россия училась читать и действительно читала книги по политике, экономике, истории – читала потому, что люди хотели знать... В каждом городе, в большинстве прифронтовых городов каждая политическая партия выпускала свою газету, а иногда и несколько газет. Тысячи организаций печатали сотни тысяч политических брошюр, затопляя ими окопы и деревни, заводы и городские улицы. Жажда просвещения, которую так долго сдерживали, вместе с революцией вырвалась наружу со стихийной силой. За первые шесть месяцев революции из одного Смольного института ежедневно отправлялись во все уголки страны тонны, грузовики, поезда литературы. Россия поглощала печатный материал с такой же ненасытностью, с какой сухой песок впитывает воду. И все это были не сказки, не фальсифицированная история, не разбавленная водой религия, не дешевая, разлагающая макулатура, а общественные и экономические теории, философии, произведения Толстого, Гоголя и Горького...

⁹ См. «Вступительные замечания и пояснения». – Дж. Рид.

Затем – слово. Россию затоплял такой поток живого слова, что по сравнению с ним «потоп французской речи», о котором пишет Карлейль, кажется мелким ручейком. Лекции, дискуссии, речи – в театрах, цирках, школах, клубах, залах Советов, помещениях профсоюзов, казармах... Митинги в окопах на фронте, на деревенских лужайках, на фабричных дворах... Какое изумительное зрелище являет собой Путиловский завод, когда из его стен густым потоком выходят сорок тысяч рабочих, выходят, чтобы слушать социал-демократов, эсеров, анархистов – кого угодно, о чем угодно и сколько бы они ни говорили. В течение целых месяцев каждый перекресток Петрограда и других русских городов постоянно был публичной трибуной. Стихийные споры и митинги возникали и в поездах, и в трамваях, повсюду...

А всероссийские съезды и конференции, на которые съезжались люди двух материков – съезды Советов, кооперативов, земств,¹⁰ национальностей, духовенства, крестьян, политических партий; Демократическое совещание, Московское Государственное совещание, Совет Российской республики... В Петрограде постоянно заседали три-четыре съезда сразу. Попытки ограничить время ораторов проваливались решительно на всех митингах, и каждый имел полную возможность выразить все чувства и мысли, какие только у него были...

Мы приехали на фронт в XII армию, стоявшую за Ригой,

¹⁰ См. «Вступительные замечания и пояснения». – Джс. Рид.

где босые и истощенные люди погибали в окопной грязи от голода и болезней. Завидев нас, они поднялись навстречу. Лица их были измождены; сквозь дыры в одежде синело голое тело. И первый вопрос был: «Привезли ли что-нибудь почитать?». ».

Внешних, видимых признаков совершившейся перемены было много, но, хотя в руках статуи Екатерины Великой против Александринского театра торчал красный флажок, хотя над всеми общественными зданиями тоже развевались красные флаги, иногда, впрочем, выцветшие, а императорские вензеля и орлы были повсюду сорваны или прикрыты; хотя вместо свирепых городских улицы охраняла добродушная и невооруженная гражданская милиция, – тем не менее еще сохранилось очень много странных пережитков прошлого.

Так, например, оставалась в полной силе табель о рангах Петра Великого, которой он железной рукой сковал всю Россию. Почти все, начиная от школьников, еще продолжали носить установленную прежнюю форменную одежду с императорскими орлами на пуговицах и петлицах. Около пяти часов вечера улицы заполнялись пожилыми людьми в форме, с портфелями. Возвращаясь домой с работы в огромных казармо-подобных министерствах и других правительственных учреждениях, они, быть может, высчитывали, насколько быстро смертность среди начальства подвигает их к долгожданному чину коллежского асессора или тайного советника, к перспективе почетной отставки с полной пенсией, а

может быть, и с Анной на шее...

Любопытный случай произошел с сенатором Соколовым, который в самом разгаре революции как-то раз явился на заседание сената в штатском костюме. Ему не позволили принять участие в заседании, потому что на нем не было предписанной ливреи слуги царя!

На этом-то фоне брожения и разложения целой нации развернулась панорама восстания русских народных масс...

Глава II

Рождение бури

В сентябре на Петроград двинулся генерал Корнилов, чтобы провозгласить себя военным диктатором России. За его спиной неожиданно обнаружился бронированный кулак буржуазии, дерзко попытавшейся сокрушить революцию. В заговоре Корнилова были замешаны некоторые министры-социалисты. Сам Керенский был под подозрением. [2.1] Савинков, от которого Центральный комитет его партии, социалистов-революционеров, потребовал объяснений, ответил отказом и был исключен из партии. Корнилова арестовали солдатские комитеты. Многие генералы были уволены в отставку, некоторые министры лишились портфелей, и кабинет пал.

Керенский попытался сформировать новое правительство при участии представителей партии буржуазии – кадетов. Партия социалистов-революционеров, к которой он принадлежал, приказала ему кадетов исключить. Керенский не послушался и пригрозил, что, если социалисты будут настаивать на своем, он подаст в отставку. Однако настроение народа было настолько резко и определенно, что в это время он не посмел бороться с ним. Была образована временная директория из пяти министров с Керенским во главе, которая

и взяла на себя власть впредь до окончательного разрешения вопроса о составе правительства.

Корниловский мятеж сплотил все социалистические группы – как умеренные, так и революционные – в страстном порыве к самозащите. Корниловых больше не должно быть. Необходимо создать новое правительство, ответственное перед элементами, поддерживающими революцию. Поэтому ЦИК предложил всем демократическим организациям прислать делегатов на Демократическое совещание, которое должно открыться в Петрограде в сентябре.

В ЦИК сразу образовалось три направления. Большевики требовали немедленного созыва Всероссийского съезда Советов и перехода к нему всей полноты власти. Центристы-эсеры, руководимые Черновым, вместе с левыми эсерами, возглавлявшимися Камковым и Спиридоновой, меньшевики-интернационалисты во главе с Мартовым и меньшевики-центристы¹¹, представленные Богдановым и Скобелевым, требовали создания однородного социалистического правительства. Правые меньшевики во главе с Церетели, Даном и Либером, а также правые эсеры, которыми руководили Авксентьев и Гоц, настаивали на участии в новом правительстве представителей имущих классов.

Почти вслед за этим большевики завоевали большинство в Петроградском Совете, а потом и в Советах Москвы, Киева, Одессы и других городов.

¹¹ См. «Вступительные замечания и пояснения». – *Джс. Рид*.

Меньшевики и эсеры, господствовавшие в ЦИК, встревожились и решили, что, в конце концов, Ленин для них страшнее Корнилова. Они изменили порядок представительства в Демократическом совещании, [2.2] выделив гораздо больше мест кооперативам и другим консервативным организациям. Но даже и это специально подобранное совещание сначала высказывалось за коалиционное правительство без кадетов. Только открытая угроза Керенского отставкой и отчаянные вопли умеренных социалистов, что «республика в опасности», заставили Совещание незначительным большинством принять принцип коалиции с буржуазией и санкционировать создание нечто вроде совещательного парламента без всякой законодательной власти под названием «Временного Совета Российской республики». В новом министерстве представители имущих классов фактически заправляли всем, а в Совете Российской республики они получили непропорционально большое количество мест.

ЦИК фактически уже не представлял рядовую массу в Советах и без всякого законного основания отказался созвать Второй всероссийский съезд, который должен был открыться в сентябре. ЦИК не имел никакого намерения созвать съезд или допустить его созыв. Его официальный орган «Известия» начал намекать, что миссия Советов уже почти закончена [2.3] и что, быть может, они скоро будут распущены... А в то же время новое правительство также заявило, что в его программу входит ликвидация «безответственных

организаций», т. е. Советов.

В ответ на это большевики призвали Советы собраться на съезд 2 ноября (20 октября) в Петрограде и взять в свои руки власть в России. В то же время они вышли из Совета Российской республики, заявив, что не хотят принимать участия в «правительстве народной измены». [2.4]

Однако уход большевиков не принес спокойствия злополучному Совету республики. Имущие классы, стоявшие теперь у власти, явно наглели. Кадеты заявили, что правительство не имеет законного права объявлять Россию республикой. Они требовали применения суровых мер в армии и флоте с целью разгона солдатских и матросских комитетов и повели атаку на Советы. А на противоположном крыле Совета республики меньшевики-интернационалисты и левые эсеры выступали за немедленное заключение мира, передачу земли крестьянам, введение рабочего контроля над производством – фактически за большевистскую программу.

Мне пришлось слышать выступление Мартова против кадетов. Сгорбившись над трибуной, точно смертельно больной, каким он и был, показывая пальцем на правых, он говорил хриплым, еле внятным голосом:

«Вы называете нас пораженцами. Но настоящие пораженцы – это те люди, которые ждут благоприятного момента для заключения мира, которые откладывают и оттягивают мир до бесконечности, до тех пор, пока от русской армии не останется ничего, пока сама Россия не станет предметом

торга между империалистическими группами... Вы пытаетесь навязать русскому народу политику, диктуемую интересами буржуазии. Вопрос о мире должен быть разрешен немедленно... И тогда вы увидите, что не напрасно работали те люди, которых вы называете германскими агентами, те циммервальдисты¹², которые подготовили пробуждение сознания демократических масс во всем мире...»

Между этими группировками метались меньшевики и эсеры, ощущая слева давление нарастающего недовольства масс. Глубокая вражда разделила Совет республики на непримиримые группы.

Таково было положение, когда долгожданная весть о Парижской общесоюзнической конференции поставила во весь рост жгучие вопросы иностранной политики...

В теории все русские социалистические партии стояли за скорейшее заключение мира на демократических условиях. Еще в мае (апреле) 1917 г. Петроградский Совет, которым тогда руководили меньшевики и эсеры, обнародовал известные русские условия мира. В них содержалось требование, чтобы союзники созвали конференцию для обсуждения целей войны. Конференция была обещана на август, потом отложена на сентябрь, потом на октябрь, теперь она была назначена на 10 ноября (28 октября).

¹² Члены революционно-интернационалистского крыла европейского социализма. Они названы так по их международной конференции 1915 г. в Циммервальде (Швейцария). – *Дж. Рид*.

Временное правительство намеревалось послать на эту конференцию двух представителей: генерала Алексеева, настроенного очень реакционно, и министра иностранных дел Терещенко. Советы со своей стороны избрали Скобелева своим представителем и составили манифест, знаменитый наказ, который должен был служить ему инструкцией. [2.5] Временное правительство не признавало ни Скобелева, ни его наказа; союзная дипломатия тоже протестовала. Кончилось тем, что Бонар Лоу холодно заявил, отвечая на вопрос в британской палате общин: «Насколько мне известно, Парижская конференция будет обсуждать не цели войны, а способы ее ведения...».

Русская консервативная пресса была в восторге, а большевики кричали: «Вот куда завела меньшевиков и эсеров соглашательская тактика!».

А по всему фронту длиною в тысячи миль бурлила, как морской прилив, многомиллионная русская армия, высылая в столицу новые и новые сотни делегаций, требовавших: «Мира! Мира!».

Я отправился за реку, в цирк Модерн, на один из огромных народных митингов, которые происходили по всему городу, с каждым вечером собирая все больше и больше публики. Обшарпанный, мрачный амфитеатр, освещенный пятью слабо мерцавшими лампочками, свисавшими на тонкой проволоке, был забит снизу доверху, до потолка: солдаты, матросы, рабочие, женщины, и все слушали с таким напряжени-

ем, как если бы от этого зависела их жизнь. Говорил солдат от какой-то 548-й дивизии.

«Товарищи! – кричал он, и в его истощенном лице и жестах отчаяния чувствовалась самая настоящая мука, – люди, стоящие наверху, все время призывают нас к новым и новым жертвам, а между тем тех, у кого есть все, не трогают.

Мы воюем с Германией. Пригласим ли мы германских генералов работать в нашем штабе? Ну, а ведь мы воюем и с капиталистами, и все же мы зовем их в наше правительство...»

Солдат говорит: «Укажите мне, за что я сражаюсь. За Константинополь или за свободную Россию? За демократию или за капиталистические захваты? Если мне докажут, что я защищаю революцию, то я пойду и буду драться, и меня не придется подгонять расстрелами».

«Когда земля будет принадлежать крестьянам, заводы – рабочим, а власть – Советам, тогда мы будем знать, что у нас есть за что драться, и тогда мы будем драться!»

В казармах, на заводах, на углах улиц – всюду ораторствовали бесчисленные солдаты, требуя немедленного мира, заявляя, что, если правительство не сделает энергичных шагов, чтобы добиться мира, армия оставит окопы и разойдется по домам.

Представитель VIII армии говорил:

«Мы слабы, у нас осталось всего по несколько человек на роту. Если нам не дадут продовольствия, сапог и подкреплений, то скоро на фронте останутся одни пустые окопы. Мир

или снабжение... Пусть правительство либо кончает войну, либо снабжает армию...»

От 46-й Сибирской артиллерийской бригады:

«Офицеры не хотят работать с нашими комитетами, они предают нас неприятелю, они расстреливают наших агитаторов, а контрреволюционное правительство поддерживает их. Мы думали, что революция даст нам мир. А вместо этого правительство запрещает нам даже говорить о таких вещах, а само не дает нам достаточно еды, чтобы жить, и достаточно боеприпасов, чтобы сражаться...»

А из Европы шли слухи о мире за счет России... [2.6]

Недовольство еще увеличивалось известиями о положении русских войск во Франции. Первая бригада попыталась заменить своих офицеров солдатскими комитетами, как это было сделано их товарищами в России, и отказалась отправиться в Салоники, требуя возвращения на родину. Ее окружили, поморили голодом и, наконец, обстреляли артиллерийским огнем, причем многие были убиты... [2.7]

26 (13) октября я отправился в беломраморно-красный зал Мариинского дворца, где заседал Совет республики. Мне хотелось послушать Терещенко: он должен был огласить правительственную декларацию о внешней политике, которой так долго и с таким страстным нетерпением ждала страна, истощенная войной и жаждавшая мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.